

Лев Романович Шейнин

Чужие в тундре

Лев Романович Шейнин
Чужие в тундре
Серия «Записки следователя»

Леон Дотан
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138470

Лев Шейнин

ЧУЖИЕ В ТУНДРЕ

Товарный поезд вышел из Мурманска в первом часу ночи. Стоя в тамбуре заднего вагона, кондуктор Ивановский ежил-ся. Ночь была холодная. Залив и город уже давно остались за поворотом, и поезд пробирался по правому берегу Колы, за которой начиналась пустынная, молчаливая тундра.

Миновали станцию Шонгуй – первую остановку после Мурманска. Когда снова затарахтели колеса и потянулись молчаливые, пустынные пространства, Ивановский туго набил трубку, присел в тамбуре и закурил. Кольца дыма тепло синели, расходились и таяли в прозрачных сумерках полярной ночи.

Паровоз засвистел – поезд проходил мимо двадцать пятого барака ремонтных рабочих службы пути, одиноко расположенного на перегоне Шонгуй – Кола. Барак стоял на пригорке, над железнодорожным полотном, и Ивановский привычно поднял взгляд вверх, на окна барака, где жили его знакомые. Он взглянул и вздрогнул. В среднем окне было ясно видно чужое, незнакомое мужское лицо. Неизвестный смотрел на поезд, прижавшись лицом к стеклу, и когда его глаза встретились с взглядом Ивановского, он стал тихо отходить в глубину комбаты, заметно прикрывая лицо рукою.

Ивановскому стало не по себе. Он хорошо знал обитате-

лей барака и ни разу не видел этого человека.

Когда поезд подошел к Коле, Ивановский рассказал о странном человеке дежурному по станции. Сонный, сердитый дежурный неохотно выслушал Ивановского и, сплевывая в сторону, вяло сказал:

– Ну и чертовщина тебе, старому дураку, мерещится?

– Я не баба, чтобы мне мерещилось, – обидчиво ответил Ивановский. – Не первый год по дороге шныряю. Но только попомни, что неладное что-то в двадцать пятом. Ни к чему в такое время там чужому быть.

В это время машинист дал сигнал, и поезд тихо тронулся. Вскочив на ступеньку заднего вагона, Ивановский на прощанье крикнул:

– Смотри, Сергеевич, чую, что неладное у ремонтников!

Но последние слова его были заглушены стуком колес и тархтением паровоза, развивавшего пары.

Дежурный проводил глазами хвост поезда и, стоя на платформе, оглянулся. Все кругом было знакомо и привычно. Тихо дышала морозная ночь. Вправо от станционного домика спал крохотный деревянный городок Кола. Городок был древний, еще времен господина великого Новгорода, и, пожалуй, мало изменился с тех пор. Маленькие бревенчатые домики были окружены тыном, наивно торчал деревянный купол покосившейся церквушки. Влево, за Колу, уходила безбрежная тундра, а впереди тускло поблескивала рельсовая колея.

Ночь была белая, холодная. Это была ночь под первое мая 1930 года.

«Ленинградскому областному прокурору. Мурманска.
Восьмое мая.

Сего второго мая дорожный мастер Воронин, объезжая участок пути, обнаружил в двадцать пятом бараке перегоне Шонгуй – Кола одиннадцать трупов убитых рабочих, проживающих в бараке. Все зарублены топором. Четверо из проживавших рабочих исчезли. Прошу немедленно командировать старшего следователя. Окружной прокурор Денисов».

Прокурор области ходил по кабинету, заложив за спину руки (привычка, приобретенная за годы сидения в царской тюрьме), и говорил мне и старшему помощнику Владимирову, бывшему наборщику, худошавому человеку с близорукими, застенчивыми глазами:

– Шейнину выехать сегодня же. Следствие поведет междуведомственная бригада: наш работник, работник ГПУ, работник угрозыска. Дело тяжелое, а главное, его надо раскрыть как можно скорее, о ходе следствия нужно телеграфировать ежедневно. Делом заинтересовался товарищ Киров, просил информировать его о ходе следствия.

В тот же вечер скорый поезд «Полярная стрела» мчал нас к Мурманску. Кроме меня, выехала группа сотрудников ленинградского транспортного отдела ГПУ.

За Петрозаводском резко изменилась погода. Мы выехали из весеннего, солнечного Ленинграда, где еще не отзвучали

майские песни и пляски, а здесь была суровая северная зима. За Кемью и дальше был снег, замерзшие реки, мрачные леса и скалы.

Мурманск тяжело переживал это убийство. Обсуждались и создавались различные предположения и догадки. Местные следственные власти тоже не пришли к каким-либо определенным выводам. Часть местных работников считала, что убийство совершено теми четырьмя рабочими, которые исчезли из барака.

Кто, когда, почему, при каких обстоятельствах – вот вопросы, волновавшие в те дни Кольский полуостров, Карелию и Ленинград.

В первый же день после приезда был произведен тщательный осмотр места преступления.

Барак, в котором жили убитые, помещался на пригорке, над железнодорожным полотном. Ниже, под насыпью, протекала река Кола, еще стоявшая в это время. Во дворе находились два небольших амбара. Трупы убитых были сложены в этих амбарах: мужчины в одном, женщины в другом. Каждый труп был прикрыт мешком.

Пятна и брызги крови и мозгового вещества на стенках амбара указывали, что умерщвление производилось тут же. Убивали колуном, которым, судя по повреждениям, наносили удары по черепу. Были обнаружены трупы рабочих Лещинского, Семенова, Вагина, Соловьева, Новикова и женщин Новиковой и Лещинской. Кроме того, здесь были трупы

колониста Заборщикова, его жены, их ребенка и их жилички Зайкиной. Заборщиковы и Зайкина жили на хуторе на расстоянии нескольких километров от барака, и было непонятно, как они тут очутились.

Из живших в бараке рабочих отсутствовали: Суворов Дмитрий, Суворов Василий, Семенов Михаил и Новиков Михаил. Двое последних были родственниками некоторых из убитых.

В комнатах барака следов борьбы и крови не было, если не считать выбитого стекла в одном из окон. На полу был обнаружен бланк анкеты для вступления в ВКП(б), на финском языке. Было странно, как попал этот бланк сюда, где все рабочие были русские.

Как было установлено показаниями родственников убитых, из барака были взяты некоторые предметы домашнего обихода: ножи, чайник, балалайка, котелок, несколько тулупов, шапок и некоторое количество продуктов.

Барак стоял одиноко. Кругом на несколько километров не было ни жилья, ни становища. Глухомань. Изредка мимо проходили поезда. И снова наступала сонная зимняя тишина тундры, сурового безлесья, ненаселенных просторов.

Мы молча производили осмотр. Как-то давили эта тишина, эта суровая обстановка, страшное злодеяние, здесь совершенное. Закончив осмотр, мы не пришли к каким-либо определенным выводам. Кроме бланка на финском языке, никаких следов убийц не было. С другой стороны, была ма-

ловоятна версия, что убийцами являются четверо скрывшихся рабочих. Решили осмотреть окрестности барака, и, прежде всего, возник вопрос, где брали рабочие воду. Протопанная от барака к реке Коле тропинка отвечала на этот вопрос. Мы спустились к реке, и сразу нашли прорубь. Но – странное дело – она была сверху замаскирована снегом и полита водой для обледенения. Видимо, кто-то умышленно хотел скрыть следы проруби. Это была важная нить. Тут же, не уезжая из барака, мы вызвали из Мурманского торгового порта водолазов, которые вскоре приехали. Одного из них мы направили для обследования дна. Вскоре он дернул сигнальную веревку. Оказалось, что подо льдом водолаз нашел четыре мужских трупа, которые и были извлечены из реки. Это оказались трупы четырех «исчезнувших» рабочих, которые были убиты тем же способом, что и остальные рабочие барака. На голове каждого из них был мешок, надетый вроде капюшона, а к ногам, в качестве грузила, привязан метровый отрезок рельса. Стало ясно, что убийцы, для того чтобы направить следствие по ложному пути, спустили четыре трупа под лед, причем, чтобы не испачкать кровью снег по дороге от барака к проруби, завернули их изрубленные головы в мешки.

Но не только трупы были найдены подо льдом. Водолазы извлекли оттуда также серый бушлат и старую шинель кавалерийского образца с пометкой: «Харьков. 1924 г.». Эта шинель имела еще одну странную особенность: вся спина ее

была прожжена. Огромная дыра зияла, как черная рана, и края ее были рыжие, обуглившиеся. Видимо, один из убийц был одет в эту шинель, и так как она была слишком «пометлива», он решил от нее избавиться.

А в Мурманске нас ждали любопытные новости: в этот день в местный угрозыск приехали из тундры на собаках два лопаря – Ванюто и Дмитриев, рассказавшие о странном происшествии, которое с ними приключилось второго мая.

Они ехали днем в тундре, направляясь в Кильдинский погост. Привыкшие к безмолвию и пустынности тундры, лопари километрах в пятнадцати от Мурманска почуяли запах дыма; не каждый день в тундре случаются встречи, и лопари повернули на этот запад. Вскоре они подъехали и увидели трех мужчин, сидевших у разведенного костра. Неизвестные жарили баранью тушу. По обычаю тундры, лопари подошли к ним и вежливо приветствовали неизвестных, спросив, не нужна ли в чем-либо их помощь.

В ответ неизвестные, выхватив три обреза, навели их на лопарей и приказали ехать к городу Коле. Лопари подчинились, и неизвестные, погрузив свой багаж в сани и связав лопарям руки на спине, решили ехать. Затем они посоветовались между собою и привязали Ванюто к дереву, а Дмитриева заставили ехать с ними в качестве проводника.

По дороге в Колу они встретили двух других лопарей и, сидя в санях, стали играть на балалайках, чтобы не вызвать подозрений. Около города неизвестные вылезли из саней

и пошли пешком, а Дмитриева развязали и приказали ему ехать обратно. Дмитриев вернулся в тундру, развязал Ванюто, и они поехали в погост. Через несколько дней, будучи в Мурманске, лопари зашли в угрозыск и рассказали о случившемся.

– Это люди не из тундры, это чужие люди, – уверенно сказали они. – Люди из тундры так не поступают.

«Чужие» люди были значительно западнее, на станции Апатиты, там, где теперь новый социалистический город Хибиногорск. Тогда там только еще начиналась стройка, в которой принимали участие и заключенные.

В тот же вечер один из нашей бригады выехал с прожженной шинелью на станцию Апатиты.

А наутро следующего дня мы получили телеграмму:

«Шинель категорически опознана заключенными Апатитах. Она принадлежит заключенному Мишину-Гурову, осужденному киевским окрсудом на десять лет за бандитизм. Мишин-Гуров бежал совместно с другими заключенными – Грищенко, Мошавцем и Болдашовым – девятнадцатого апреля сего года. Выезжаю Мурманск личными делами, фотографиями всех».

Очередное совещание в вагоне. Дым от бесчисленного количества выкуренных папирос, споры, версии, вопросы, предположения, разгоряченные лица.

Мы уже знаем фамилии убийц. Но где они достали оружие? Где они теперь?

Трупы были обнаружены восьмого мая. Как установлено судебно-медицинской экспертизой, убийство произошло в ночь на первое мая (недаром екнуло сердце старика Ивановского, увидевшего в окне барака чужое лицо!). Побег совершен девятнадцатого апреля. Где были, чем питались убийцы одиннадцать суток?

Начинаем проверять журнал происшествий, зарегистрированных за эти дни на участке Апатиты – Мурманск. И сразу наталкиваемся на короткую, сухую запись:

«Двадцатого апреля в 12 часов ночи машинистом товарного поезда заявлено, что горит дом колониста Вянке, находящийся в полосе отчуждения, в трех километрах от станции Лопарская. Высланная на место пожарная команда обнаружила пепелище сгоревшего дома и трупы сгоревших жены Вянке и трех ее детей. Сам Вянке находился на лесозаготовках».

Выясняем, что местные власти производили расследование по поводу пожара, пришли к заключению, что он возник «от несчастного случая», и дело «дальнейшим производством» прекратили.

Всей бригадой едем на пепелище и находим: в куче пепла три спиленных дула от винтовок, в несгоревшем сарае – шкуру от освежеванного барана и синие очки. Вспоминаем о загадочном бланке, найденном в двадцать пятом бараке, и узнаем, что эти бланки могли быть в доме Вянке – члена ВКП(б), бывшего секретаря финской национальной ячейки

партии.

И все становится ясным. Бежавшие бандиты забрались в дом Вянске, где удушили жену Вянске и троих детей. Из трех его винтовок (Вянске показал, что у него в доме были три винтовки) сделали три обреза, дом и трупы сожгли, чтобы уничтожить следы преступления. Запаслись мясом на дорогу и направились дальше, к Мурманску.

В ночь на первое мая бандиты проникли в барак и убили рабочих, выводя по одному в амбар. Это устанавливалось расположением трупов, каждый из которых был переложен старым мешком. В бараке случайно обронили один из бланков, зачем-то захваченных с собою с хутора Вянске.

Весь следующий день мы передавали по телеграфу приметы и фамилии убийц для розыска и задержания.

Вот эти данные:

1. Мишин-Гуров Егор Васильевич, кулак, 1904 года рождения, осужден в 1929 году к 10 годам Киевским окрсудом за вооруженное ограбление.

2. Грищенко Григорий Федорович, 1903 года рождения. В 1929 году осужден Волынским окрсудом за вооруженное ограбление к расстрелу с заменой 10 годами.

3. Мошавец Захар Иванович, 1904 года рождения, из семьи махновца, осужден в 1929 году Киевским окрсудом за вооруженное ограбление к расстрелу с заменой 10 годами.

4. Болдашов Михаил Григорьевич, 1906 года рождения, кулак, осужден в 1929 году Борисоглебским окрсудом к 10

годам за вооруженное ограбление.

Через три дня пришла телеграмма, что в селе Грузском Киевского округа задержан Мошавец, при котором найдены документы одного из убитых рабочих.

Вслед за этим следственными органами в разных районах Союза были задержаны Мишин-Гуров и Болдашов.

Четвертого из них – Грищенко – задержать не удалось по той простой причине, что он сам был убит своими сообщниками.

Длинный, костлявый Мишин-Гуров, с лицом скопца и тяжелыми, как бы чугунными веками, на допросе рассказал мне:

– А напослед я вам про Грищенку расскажу. Слабого душевного сложения был человек. Сопля, а не бандит.

– Вы скажите, Мишин-Гуров, где он. Подробности потом, – перебил его я.

Мишин-Гуров закурил, мрачно задумался, а потом добавил:

– Когда меня в двадцать девятом году в Киеве в окружном судили за грабежи, я признанья не давал и даже своему защитнику, когда с глазу на глаз говорили, очки втер: дескать, нет, невиновен. Защитник был от казны, толстый такой, с рыжей бороденкой, при золотых часах. И очки носил золотые. Добрый был человек, вполне мне поверил и даже слезу смахнул – расстроился... А на суд вызвали свидетелей, которые мной ограблены были, и те, паразиты, нахально ме-

ня уличили.

А один такой злостный попался, что на суде на меня ногой топал, кричал и на вопрос судьи – точно ли меня опознает, – начал креститься и закричал: «Он, он, бандитская морда! Я его, злодея, до смерти не забуду!» Ну, тут мне очень даже стало обидно, что я такого жлоба живым оставил и даже тогда, когда его грабил, пальцем не тронул; и я ему с места крикнул: «Если у вас совесть есть, скажите: хоть одну плюху я вам дал или деликатно обращался?» Конечно, тут все смеяться стали, потому что этими словами я признание дал, а этот паразит ответил: «Обращенье действительно было деликатное, но все деньги, часы, чемодан забрал и даже штаны и сапоги снял». С тех пор большое зло у меня против ограбленных. Зарок себе дал – живыми не оставлять, чтобы потом свидетелей не было... Теперь про Грищенко. Когда мы из лагеря бежали, уговор был: свидетелей не оставлять. В бараке мы всех прикончили – сдержали слово. Ночью в тундре спали, у костра. Во сне Грищенко кричать начал, плакал, бился. Я и Мошавец разбудили Болдашова и смотрели, как парень мечется. А потом я сказал ребятам, что с таким компаньоном пропадешь: или выдаст, или во сне проболтается. Ну...

Тут Мишин-Гуров жадно затянулся папиросой и замолчал.

– Где труп? – коротко спросил я.

– Там же в тундре и зарыли, – так же коротко ответил Мишин-Гуров.

Поезд из Мурманска отходил вечером. Бродя по платформе, мы увидели одного из знакомых лопарей – Ванюто. Улыбаясь, он подошел к нам и с вежливостью, такой характерной для лопарей, спросил;

– Как с убийцами? Наши лопари очень интересуются. За чем в тундре такие люди?

Мы поспешили обрадовать Ванюто и сообщили, что убийцы найдены, что они чужие, что они кулацкие выродки и бандиты.

– Мы видели много чужих, – серьезно ответил Ванюто. – Когда Мурманск захватили белые, мы приезжали на собаках из тундры, чтобы их посмотреть. Мы сразу поняли, что они чужие. Их прогнали, и пришли тоже чужие, но эти чужие были большевики, и они сразу стали своими. Мы, лопари, их знаем и любим. И у нас есть уже свои большевики-лопари. Чужие разные бывают. Но есть чужие – совсем чужие, на всю жизнь. И эти чужие никогда не становятся своими.

1931